

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Д.Ф. Стефанович

**О значении Стоглава в истории
древнерусского церковного права:
речь, сказанная 21 марта 1910 г. магистерском
коллоквиуме перед защитой диссертации**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1910. № 5-6. С. 790-797.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

О значеніи Стоглава въ исторіи древнерусскаго церковнаго права.

(Рѣчь, сказанная 21-го марта 1910 г. на магистерскомъ коллоквиумѣ предъ защитою диссертациі: „О Стоглавѣ: его происхожденіе, редакціи и составъ. СПБ. 1909 г.“).

ДО своему происхожденію Стоглавъ представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе выдающихся и замѣчательныхъ памятниковъ законодательной дѣятельности нашей Отчественной церкви: онъ есть сводъ правилъ и постановленій, разсмотрѣнныхъ, обсужденныхъ и принятыхъ на помѣстномъ соборѣ русской церкви, состоявшемся въ 1551 году подъ предсѣдательствомъ всероссійскаго митрополита Макарія († 1563 г.), въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ царскихъ палатахъ, по соизволенію и при самомъ живомъ участіи со стороны царя Ивана Васильевича Грознаго. Какъ выражающій голосъ этого собора, Стоглавъ называется *«соборнымъ уложеніемъ»*. Значеніе его въ исторіи памятниковъ собственнорусскаго каноническаго права громадно.

Прежде всего — это такой памятникъ, въ которомъ нашли себѣ удачное завершеніе и объединеніе весьма многіе каноническіе труды предшествующаго времени. На страницахъ Стоглава мы находимъ занесенными такіе важные (по своей древности и значенію) документы, какъ Уставъ Св. равноапостольнаго князя Владиміра, «просвѣтившаго всю землю русскую св. крещеніемъ», — (помѣщенъ цѣликомъ въ гл. 63), одно святительское поученіе митрополита Петра (гл. 77), 2 грамоты митрополита Кипріяна (цѣликомъ въ гл. 64 и 65), 5 посланій митрополита Фотія (въ извлеченіяхъ—см. гл. 23—24, 37, 61, 78 и 89), одинъ отрывокъ изъ сочиненій митрополита Даниіла (гл. 65 fin.), два отрывка изъ анонимнаго епископ-

скаго поученія ¹⁾ князьямъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ (гл. 37 и 39), два отрывка изъ сочиненій препод. Іосифа Волоцкаго, носящихъ каноническій характеръ (гл. 53 и 79), наконецъ (въ гл. 80) цѣликомъ помѣщенное одно опредѣленіе собора 1503 г. «о вдовствующихъ поцѣхъ и діаконѣхъ». Не говоримъ о томъ, что многіе другіе памятники также нашли себѣ отраженіе въ Стоглавѣ, хотя и не столь ощутительнымъ образомъ, какъ вышенаименованные (т. е. не въ видѣ дословныхъ выдержекъ, а лишь въ формѣ болѣе или менѣе свободнаго перифраза, — см. гл. 12, 17 и др.). Принимая во вниманіе все это, можно смѣло сказать, что составители Стоглава съ величайшимъ уваженіемъ отнеслись и относились къ тому каноническому матеріалу, какой въ теченіе 5^{1/2} столѣтій (отъ Св. Владиміра до эпохи Ивана Грознаго) постепенно накоплялся въ русской церкви, составляя весьма цѣнный плодъ ея творческой законодательной дѣятельности. По отношенію къ собственнымъ постановленіямъ, выражающимъ голосъ самаго собора 1551 г. каноническіе памятники предшествующаго времени играли роль подкрѣпляющихъ свидѣтельствъ и, въ качествѣ таковыхъ, ихъ можно было-бы, кажется, помѣстить въ концѣ книги, въ видѣ приложений. Однако на самомъ дѣлѣ въ Стоглавѣ мы видимъ обратное: составители послѣдняго вносятъ ихъ въ самый текстъ «соборнаго уложенія», помѣщаютъ ихъ не только на ряду съ собственными,—собору 1551 г. принадлежащими постановленіями, но даже иногда сливаютъ ихъ съ этими послѣдними до неузнаваемости ²⁾.

Ясно отсюда, насколько дорого было о. о. Стоглаваго собора полученное ими отъ прежнихъ временъ наслѣдіе. Но этого мало: фактъ занесенія въ Стоглавъ прежнихъ каноническихъ памятниковъ имѣетъ громадное значеніе и для самыхъ этихъ памятниковъ, ибо 1) безъ этого нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ пропали-бы для потомства ³⁾ и 2) почти всѣ они, будучи внесены въ Стоглавъ, приобрѣли чрезъ это самое большую степень авторитетности ⁴⁾.

¹⁾ Напечатано въ Русск. Ист. Библиот. VI, № 123.

²⁾ См. въ гл. 23—24 Стоглава выдержку изъ грамоты митроп. Фотія, ср. Русск. Ист. библ. VI, № 34; то же гл. 37 и № 123 и др.

³⁾ Напр. помѣщенное въ гл. 79-й „собраніе отъ свящ. правилъ“ преп. Іосифа Волоцкаго содержится только въ Стоглавѣ.

⁴⁾ Въ поясненіе этого можно сослаться на Уставъ св. князя Владиміра; подлинность его въ смыслѣ принадлежности кн. Владиміру отвер-

Внимательно относясь къ каноническимъ памятникамъ своей родной церкви, о. о. Стоглаваго собора въ тоже время всемѣрно заботились и о томъ, чтобы въ своихъ рѣшеніяхъ не погрѣшить противъ каноновъ церкви вселенской, противъ правилъ апостольскихъ, соборныхъ и святоотеческихъ, изложенныхъ въ Кормчей книгѣ. Они вполне сознавали, что законодательная дѣятельность каждой помѣстной церкви должна утверждаться, какъ на незыблемомъ фундаментѣ, на общихъ законахъ, выработанныхъ и принятыхъ вселенскою церковью въ періодъ наивысшаго расцвѣта ея творческо-законодательной дѣятельности. О. о. собора боялись поступить самочинно и самовольно, ибо знали, что «самочинникъ не можетъ спастися, понеже самочинно ходящій во многи бѣды впадаютъ» (Стогл. гл. 11-я).

Въ эпоху Стоглаваго собора Кормчая не имѣла одного строго опредѣленнаго вида и состава; она употреблялась въ разныхъ редакціяхъ, изъ коихъ преобладающее значеніе имѣли двѣ: *рязанская и софійская*. По справедливому замѣчанію проф. А. С. Павлова, эти названія нисколько не выражаютъ внутреннихъ особенностей той и другой редакціи; указывая на мѣсто появленія легшихъ въ основу ихъ старѣйшихъ списковъ, не даютъ какихъ-либо указаній на мѣсто происхожденія ихъ прототиповъ. Поэтому проф. Павловъ предлагаетъ называть Кормчія первой (рязанскою) фамиліи *сербскими*, такъ какъ онѣ происходятъ отъ сербскаго оригинала и, за весьма рѣдкими исключеніями, никакихъ русскихъ статей въ себѣ не содержатъ, а Кормчія второй (софійскою) фамиліи—*русскими*, «такъ какъ онѣ находятся въ генетической связи съ первоначальнымъ славяно-русскимъ номоканономъ и удержали въ своемъ составѣ памятники *русскаго права*»¹⁾. Характерно, что составители Стоглава пользовались преимущественно именно этой русской редакціей. Кромѣ того, у нихъ подъ руками была

гаеть большинство ученыхъ (Карамзинъ, проф. Е. Е. Голубинскій, проф. Н. С. Суворовъ и мн. др.). Однако нахожденіе его въ Стоглавѣ возвышаетъ его значеніе даже въ глазахъ этихъ скептиковъ. Напр. проф. Голубинскій пишетъ слѣдующее: „Между многими позднѣйшими списками (Устава), представляющими въ вариантахъ обработку частныхъ людей, мы имѣемъ списокъ, *авторизованный церковною властію XVI в.*, именно—помѣщенный въ Стоглавникъ“ (Ист. русск. церкви I т. стр. 620 прим., 2 изд.). Изъ этого только списка онъ считаетъ необходимо отмѣтить варианты по сравненію съ древнѣйшимъ. находящимся въ Софійско-Новгородской Кормчей конца XIII в. (тамъ же, стр. 621—627).

¹⁾ Проф. А. С. Павловъ.—Курсъ церк. права, 1902 г., стр. 115.

еще такъ называемая *Сводная Кормчая*, которая составлена была также на Руси незадолго до собора 1551 г.: отсюда заимствовано въ Стоглавъ до 10 довольно пространныхъ выдержекъ (гл. 40, 44, 54, 87, 89, 90, 92, 93, 95 и 96). Заслуживаетъ вниманія, что нѣкоторыя правила, содержащіяся въ Сводной, приводятся въ Стоглавъ не изъ нея, а изъ Кормчей русской (софійской) редакціи (см. гл. 44 fin., 55, 90, 91 и др.).

Уваженіе со стороны составителей Стоглава къ общецерковному преданію, заключенному въ канонахъ вселенской церкви, отнюдь не уменьшалось чрезъ запесеніе на страницы «соборнаго уложенія» и памятниковъ каноническаго права своей отечественной церкви: вѣдь и эти памятники составлялись на основаніи каноновъ обще-церковныхъ, — служили лишь частнымъ ихъ разъясненіемъ, примѣнительно къ условіямъ и потребностямъ мѣстной русской жизни.

Въ первые 4^{1/2} вѣка (988—1448 г.г.) существованія русской церкви преобладающей формой обнаруженія ея церковно-законодательной дѣятельности, судя по сохранившимся памятникамъ, собраннымъ проф. Павловымъ¹⁾, были каноническіе отвѣты, пастырскія посланія, грамоты и поученія русскихъ митрополитовъ и епископовъ. Въ собраніи проф. Павлова изъ 60 памятниковъ (№№ 1—60)—цѣлыхъ 50 носятъ именно такой характеръ. Соборное начало въ этотъ періодъ дѣйствовало слабо. Соборы были и тогда, но не такіе, цѣлю созванія которыхъ было-бы изданіе правилъ и постановленій, регулирующихъ церковную жизнь. Изъ этой эпохи только одинъ соборъ Владимірскій 1274 года носитъ такой законодательный характеръ. Между тѣмъ по основнымъ церковнымъ канонамъ органомъ законодательной дѣятельности въ помѣстной церкви долженъ быть соборъ епископовъ, возглавляемый личностію первосвятителя или первоіерарха (ап. пр. 34-е, ант. 9-е), имѣющаго попеченіе о всей помѣстной церкви.

Излишне распространяться о томъ, что соборъ Стоглавый вполне удовлетворяетъ и этому требованію: подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія на немъ присутствовали всѣ архіереи (9) сѣверно-русской митрополіи; дѣятельное участіе принимали на соборѣ также представители бѣлаго и чернаго духовенства. Сопоставляя его съ другими соборами, бывшими

¹⁾ Въ VI т. Русск. Ист. библ., изд. Имп. Археогр. Ком. (2 изд. СПБ. 1908 г.).

ранѣе, слѣдуетъ замѣтить, что онъ находится съ ними въ самой тѣсной генетической связи. Прежде всего, у него не мало есть точекъ соприкосновенія съ соборомъ Владимирскимъ 1274 года. Не даромъ проф. Голубинскій, говоря объ этомъ соборѣ, вспомнилъ и о соборѣ Стоглавомъ¹⁾. Въ исторіи соборовъ русской церкви, носящихъ законодательный характеръ, соборъ 1274 года является какъ-бы чуднымъ прологомъ, въ сжатомъ видѣ предъизображающимъ то, что имѣло раскрыться впоследствии, и въ частности—на соборѣ 1551 г.

Начиная съ половины XV вѣка, когда русская церковь фактически дѣлается независимой отъ власти Константинопольскаго Патріарха, становится автокефальной,—съ этого времени соборное начало въ ней замѣтно оживляется: соборъ дѣлается самой высшей инстанціей по всемъ дѣламъ церковнымъ. Замѣтно оживляется и законодательная дѣятельность русской церкви. «Автокефальность русской церкви (скажемъ словами историка митрополита Макарія) совершенно естественно вела къ тому, что вся высшая правительственная, судебная и, добавимъ, законодательная власть въ русской церкви должна была, согласно основнымъ канонамъ вселенской церкви, сосредоточиться въ церковныхъ соборахъ, какъ наивысшей формѣ церковнаго авторитета»²⁾.

Дѣйствительно, съ этихъ поръ сборы и чаще, чѣмъ прежде, созываются, и, главное, дѣлаются значительнѣе во многихъ отношеніяхъ: кругъ вопросовъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію, расширяется, компетенція возрастаетъ, организациія получаетъ большую опредѣленность. Великіе князья Московскіе, чрезвычайно много содѣйствовавшіе тому, чтобы русская церковь приобрѣла самостоятельность, ничуть не препятствовали росту въ ней соборнаго начала; наоборотъ—они содѣйствовали этому росту и весьма охотно созывали соборы, потому что такимъ

¹⁾ „Намъ рѣшительно думается, что собственною мыслию митрополита (Кирилла III) было то, чтобы начертать возможно полную картину всѣхъ недостатковъ современной церковной жизни съ осужденіемъ всѣхъ (этихъ недостатковъ), какъ много спустя времени сдѣлалъ это Стоглавый соборъ, и что если онъ (м. Кириллъ) не привелъ своей мысли въ исполненіе, то причиною сего должны быть считаемы условія внѣшнія, литературныя, именно—что у него съ его сотрудниками не доставало литературной способности на то, чтобы изготовить цѣлую книгу дѣяній соборныхъ, подобную дѣяніямъ Стоглаваго собора“ (Проф. Голубинскій В. „Ист. русск. церкви“, 2-й т. стр. 67, ср. 77).

²⁾ Макарій. Ист. русск. церкви, VIII, 171.

путемъ они легче могли добиться отъ представителей церковной іерархіи уступокъ въ пользу государства и въ то же время удобнѣе могли проявлять свою попечительность о церкви и оказывать вліяніе на ходъ всѣхъ вообще церковныхъ дѣлъ, какого не имѣли ни великіе, ни удѣльные князья предыдущаго періода ¹⁾).

Оживленію соборнаго начала въ русской церкви содѣйствовало также замѣчаемое со второй половины XV вѣка пробужденіе русской религіозной мысли, выразившееся въ борьбѣ двухъ теченій ея или направленій, изъ коихъ одно можно назвать *консервативнымъ*, а другое *либеральнымъ*, критическимъ. Представителемъ перваго былъ преп. Іосифъ Волоколамскій: «во всѣхъ возрѣніяхъ его, говоритъ В. И. Жмакинъ, съ особенною яркостью выступаетъ одна характерная черта, — это благоговѣніе къ церковнымъ авторитетамъ». Онъ вполне и безусловно вѣрилъ въ истинность всѣхъ памятниковъ церковной письменности; терминъ: «*Божественныя писанія*» онъ понималъ слишкомъ широко, разумѣя подъ нимъ не только священное богодухновенное Писаніе, но и житія святыхъ, и церковныя пѣснопѣнія, и даже «градскіе законы» царей греческихъ, помѣщавшіеся въ Кормчей ²⁾). Полную противоположность его возрѣніямъ представляли взгляды преп. Нила Сорскаго, — утверждавшаго, что «*писанія многа, но не вся божественна суть*» ³⁾). Разногласія между «осифлянами» и «заволжскими старцами» касались многихъ вопросовъ церковно-религіозной и церковно-общественной жизни (напр. о значеніи внѣшняго обрядоваго благочестія, о правахъ вдовыхъ священниковъ, о правѣ мірянъ на учительство въ церкви, о казни еретиковъ и др.). Но самымъ жгучимъ вопросомъ въ ихъ спорахъ былъ вопросъ о правѣ монастырей владѣть вотчинами, населенными крестьянами. Этотъ вопросъ возбудилъ въ первой четверти XVI вѣка между «осифлянами» и «нестяжателями» ожесточенную литературную полемику; но еще ранѣе того онъ сдѣлался предметомъ соборнаго обсужденія въ 1503 г.

На соборѣ 1503 г. нестяжатели—заволжцы (Ниль Сор-

¹⁾ Проф. А. С. Павловъ. „Курсъ церк. Права“, стр. 168; И Лихницкій „Освящ. соборъ въ Москвѣ, XVI—XVII в.“ (Хр. Чт. 1906, I, 78—79).

²⁾ В. И. Жмакинъ „Митр. Даніилъ и его сочиненія“, стр. 22, 15, 16, прим. 4.

³⁾ Тамъ же, стр. 26 и 27.

скій, Паисій Ярославовъ) впервые возвысили открыто свой голосъ противъ монастырскаго вотчиновладѣнія, желали преобразовать русское монашество, поставить его на большую высоту. На этотъ разъ побѣду одержали «осифляне», хотя по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ постановленія сдѣланы въ духѣ «нестяжателей»¹⁾. Борьба продолжалась при митрополитѣ Даниилѣ (соборы 1525 г. и 1531 г. на Максима Грека и Василиана Косого): это второй актъ драмы. Наконецъ при митрополитѣ Макаріи разыгрался и третій—заключительный актъ той же борьбы. Послѣ сверженія митроп. Даниила въ 1539 г. заволжцы ожили духомъ настолько, что ко времени Стоглаваго собора ихъ идеи, чрезъ посредство іерея Сильверста, Князя А. Курбскаго, А. Адашева и др. членовъ «*Избранной рады*», стали извѣстны молодому Царю Ивану Васильевичу и возбудили къ себѣ у него даже сочувствіе. Вліяніе этихъ идей несомнѣнно чувствуется при чтеніи первыхъ царскихъ вопросовъ, изложенныхъ въ 5-й главѣ Стоглава.

Иначе говоря,—по замыслу соборъ 1551 года долженъ былъ имѣть реформаціонное значеніе: если бы всѣ соборные отвѣты были составлены тѣми же лицами, которыя заготовили программу для собора, то несомнѣнно жизнь русской церкви была бы направлена въ другое русло, отличное отъ прежняго. Но либеральный по замыслу, соборъ Стоглавый оказался въ высшей степени консервативнымъ по своему выполненію. Произошло же это оттого, что партія осифлянъ и на сей разъ счумѣла одержать побѣду надъ своими противниками, побѣду настолько полную, что даже приговоръ отъ 6 августа 1503 г. ей удалось отмѣнить (см. гл. 89).

Такимъ образомъ ясно изъ всего сказаннаго, что по отношенію къ предшествующему времени Стоглавъ имѣетъ значеніе заключительнаго итога.

Не менѣе важное значеніе имѣлъ онъ и для времени послѣдующаго: въ теченіе цѣлыхъ 150 лѣтъ онъ, на ряду съ Кормчей книгой, нормировалъ русскую церковную жизнь; по нему вершили судъ и управу носители церковной власти; изложенными на его страницахъ правилами и постановленіями руко-

¹⁾ Напр. о невзиманіи мзды за хиротонію—приговоръ отъ 6 августа 1503 г.; Акты Арх. Эксп. I № 382; Е. Голубинскій—„Ист. русск. ц.“ II, 614—615.

водствовались духовные отцы и пастыри русскаго народа. Этому змѣчательному памятнику и посвящена наша книга.

Въ заключеніе считаемъ своимъ долгомъ выразить глубокую благодарность ордин. профессору Н. В. Покровскому за его неизмѣнно-участливое отношеніе къ нашей работѣ, многіе полезныя совѣты и руководство; профессорамъ В. Н. Бенешевичу и Н. К. Никольскому за совѣты и указаніе нѣкоторыхъ списковъ Стоглава и профессору И. Е. Евсеѣву за трудъ прочтенія нашего сочиненія.

Священникъ Дм. Стефановичъ.

Апрѣля 17 дня 1910 года. Печатать разрѣшается. И. о. Ректора С.-Петербургской духовной академіи профессоръ *Ив. Троицкій*.

Редакторъ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи
Петръ Смирновъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки